

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Алексей ГЛАДКИЙ

Диктатура двоечников

После августовского путча вряд ли кто-нибудь может сомневаться, что люди, правившие нами в течение десятилетий,— безнадежные двоечники. Они и заговор не сумели организовать хотя бы на тройку с минусом. Но власть двоечников далеко еще не подорвана. Уходят пока только самые закоренелые из них, да и то лишь с наиболее заметных постов; кто сумел кое-как выучить пару «демократических» шпаргалок, те как сидели, так и сидят в своих старых креслах. И успешно рессаживаются по новым.

Уравниловка в интеллектуальной сфере

Наука и образование сегодня в практической жизни играют значительно более важную роль, чем сто лет назад. Это способствовало, конечно, их прогрессу, но в то же время исказило их сущность. Ученые чем дальше, тем больше видят конечную цель своих трудов не в познании истины, а в создании новых возможностей для развития техники, хотя давно уже очевидно, что это развитие далеко не всегда во благо. Образование рассматривают теперь не как средство облагородить человеческую личность, приобщить ее к духовному наследию предков и раскрыть заложенные в ней возможности, а как отрасль промышленности, продукция которой— квалифицированная рабочая сила. А на образованность нередко смотрят как на род личного имущества. Эта последняя тенденция существует, вероятно, во всем мире, но проявляется по-разному в зависимости от отношения к имуществу.

В нашем обществе отношение к имуществу двойственное: с одной стороны, владение им престижно и часто служит средством самоутверждения, с другой — господствует убеждение, что никто не должен иметь слишком много. Таково же и наиболее распространенное отношение к образованности. Даже самые «простые» родители не согласятся теперь оставить своих детей без среднего или в крайнем случае восьмилетнего образования. В те вузы, которые пользуются по традиции хорошей репутацией, неизменно огромные конкурсы; не могут принять всех желающих довольно многочисленные «английские» и математические школы. И вместе с тем существование школ с более высоким, чем обычно, уровнем обучения очень многим людям представляется вопиющим нарушением социальной справедливости. Стремление не допустить, чтобы чьи-то дети получили блестящее образование, раз его нельзя дать всем, распространено очень широко и пользует-

Гладкий А.В. — доктор физико-математических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

ся в «высших сферах» поддержкой, которая мотивируется именно соображениями социальной справедливости.

Настойчивое требование «социальной справедливости» в сфере образования лучше всего свидетельствует, что на образованность действительно смотрят как на имущество, и вместе с тем делает очевидной всю нелепость такого взгляда. Знания, культуру, квалификацию невозможно отобрать у одного и отдать другому, они могут передаваться лишь путем воспроизведения: тот, кто их, как принято говорить, «получает», на самом деле создает их заново своим трудом, хотя и пользуется помощью учителя, образцами и пособиями. Кроме того, по самой своей природе знания, культура и квалификация не могут находиться в коллективном владении, и интеллектуально-культурное богатство общества существует только в виде суммы богатств отдельных личностей. Поэтому хорошее образование, полученное отдельным членом общества,— это не только его личное достояние, но и достояние общества как целого. И есть еще одна закономерность, подтверждаемая всем историческим опытом человечества: если в обществе нет интеллектуальной элиты — небольшого числа людей, чей интеллектуальный и культурный уровень намного превышает средний,— то и средний уровень обречен на понижение, а все общество — на вырождение и упадок.

Несмотря на очевидность всего этого, у нас постоянно происходит уравнивание интеллектуальных возможностей, и даже «обобществление интеллекта» стало реальностью. Наш обычный научно-исследовательский институт — это не что иное, как интеллектуальный колхоз, где все сообща пахут одно поле. А для уравнивания возможностей в системе образования имеются специальные хорошо отлаженные механизмы. Самый заметный из них — официальные и неофициальные ограничения и предпочтения при поступлении в вузы и в аспирантуру в зависимости от различных факторов, не имеющих никакого отношения к способностям и знаниям. Когда-то решающим фактором было социальное происхождение, потом их стало много: политическая благонадежность, национальность, партийность, участие в «общественной работе», прописка, наличие направления и характеристики, наконец, «блат» и обычные взятки. Такие же факторы действуют при приеме на работу в вузы и научные учреждения, при присуждении ученых степеней, при академических выборах, при назначении на должности. В результате талантливые люди отстраняются от высококвалифицированного интеллектуального труда, и вместо них на места, требующие таланта, знаний и культуры, пропихивают множество посредственностей.

И это не единственный уравнивательный механизм, есть и другие, не так сильно бросающиеся в глаза, но не менее эффективные (например, система стабильных учебников — гениально простое приспособление для нивелировки уровня школьного обучения). А кроме постоянно действующих механизмов были еще разные поветрия, начиная от мясорубки массовых репрессий, в которую чаще других попадали те, кто чем-нибудь выделялся, и кончая затеей Н. Хрущева давать каждому по достижении известного возраста аттестат о среднем образовании. В результате возникла система, в которой талант и стремление к знаниям, мягко говоря, не поощряются, сильно искажены критерии научного успеха и утеряно представление об индивидуальных различиях в образованности и квалификации — понятны только различия в дипломах и званиях.

Рабфак как кузница специалистов

Престиж знаний в обществе начал расти, конечно, не вчера. Уже в прошлом веке известный уровень образованности был одним из отличительных признаков «господина», а человеку из низов образование открывало дорогу

наверх. И те люди из непривилегированных слоев, которые хотели для своих детей более высокого общественного положения, стремились дать им образование. Это было трудно — для «кухаркиных детей» существовали административные, экономические и психологические барьеры, которые удавалось преодолеть лишь самым способным и упорным.

Но пришла революция, и в одночасье все барьеры рухнули. Впрочем, вместо них сразу возникли другие — для бывших привилегированных. А бывших непривилегированных стали в немыслимо короткие сроки готовить к поступлению в высшие учебные заведения на «рабочих факультетах». Принимали туда без всякого отбора по способностям, без проверки знаний — всех, кто изъявлял желание. Многих и о желании не спрашивали, направляли в порядке комсомольского задания. И если прежде «кухаркины дети», которым удавалось попасть в гимназии, волей-неволей тянулись за сверстниками из более культурных семей, то рабфаковцы варились в собственном соку, тянуться им было не за кем. А преподаватели не решались проявлять требовательность — это могло быть расценено как саботаж. Конечно, среди рабфаковцев было немало способных и добросовестных, но в такой обстановке им трудно было развить свои способности, овладеть культурой и знаниями, не говоря уж о том, что на это просто не хватало времени. А множеству неспособных и недобросовестных тоже надо было во что бы то ни стало дать высшее образование.

Катастрофические последствия такого «классового подхода» к подготовке специалистов были столь очевидны, что уже в 30-е годы пришлось отменить ограничения для «классово чуждых» и свернуть рабфаки. Предпринимались также попытки повысить учебные требования к студентам и школьникам. Но дело было сделано: рядом со старой интеллигенцией, сильно поредевшей в результате эмиграции и репрессий, появилась и стала постепенно вытеснять ее новая, разительно от нее отличавшаяся. И не столько происхождением — некоторые старые интеллигенты тоже были из крестьян и рабочих, а многие новые вышли на самом деле из мещанских семей, — сколько значительно более низким культурным уровнем.

Воспитывали эту новую интеллигенцию, разумеется, старые интеллигенты. Среди них было много энтузиастов, искренне веривших, что некультурность их учеников — явление временное, что скоро рабоче-крестьянская молодежь, получившая невиданные возможности для образования, догонит и перегонит прежние образованные классы. Но произошло обратное: старые интеллигенты в целом не смогли подтянуть до своего уровня не только детей рабочих и крестьян, но и своих собственных. С каждым поколением культурный уровень людей умственного труда все больше нивелировался и понижался.

Почему так вышло? Для ухудшения качества образования были объективные причины: гибель, изгнание и ссылка многих квалифицированных педагогов, перегрузка и нищенские условия жизни оставшихся, нехватка книг, помещений и всего прочего, затруднение связи с границей. Губительное воздействие на образование оказала его идеологизация. Она приучала молодежь к конформизму и догматическому мышлению; в гуманитарных областях она привела к возрождению средневекового метода аргументации с помощью ссылок на священные тексты; нередко по идеологическим соображениям запрещалось ознакомление с теми или иными фактами, достижениями науки и художественными произведениями, даже целые научные дисциплины объявлялись «буржуазными» и «лженаучными». Но все это не вполне объясняет глубину упадка.

Сыграло роль, конечно, и то, что социальные слои интенсивно перемешивались и перегородки между ними исчезали. Интеллигенты жили теперь в коммунальных квартирах вместе с чернорабочими, и дети их часто сидели за одной партой. Но остается вопрос: почему чернорабочие долж-

ны были влиять на интеллигентов больше, чем интеллигенты на чернорабочих? В век стремительного научно-технического прогресса, среди развешанных повсюду плакатов: «Знание — сила», «Учиться, учиться и учиться» — естественнее было бы ожидать обратного. И даже таким бедствием, как идеологизация, все объяснить не удается. В математике и естественных науках, за исключением биологии, «идеологам» не удалось серьезно повлиять на содержание обучения и направление исследований; между тем упадок не обошел и эти науки, и там тоже посредственность вытесняла талант. А кроме того, хотя разгром генетики был произведен с применением тяжелого идеологического оружия и при деятельном участии диаматчиков, главную роль в нем играли люди с дипломами биологов и агрономов.

И так было везде: в психологии наводили порядок психологи, в исторической науке — историки, в литературе — литераторы. И в каждой области науки, искусства и даже техники находились люди, готовые по первому знаку начальства навести в ней идеальный порядок. Откуда же взялось этих людей так много, и что ими двигало? Стремление легким путем добиться высокого положения и материальных благ? Безусловно; но почему наука стала удобным поприщем для одержимых таким стремлением? Прежде им приходилось искать себе какую-нибудь другую карьеру. И почему государство их поощряло, препятствуя этим развитию науки в то самое время, когда и промышленность, и сельское хозяйство, и военная мощь стали непосредственно от нее зависеть?

Все эти вопросы можно свести к одному: почему при непрерывном росте в нашей стране числа и размеров учебных заведений и научных учреждений и при постоянном подчеркивании властью исключительной важности науки и образования они, тем не менее, пришли в глубокий упадок?

Я не думаю, чтобы ответ можно было дать в виде какой-нибудь простой формулы; несомненно, причин было много. Но мне представляется, что особую роль сыграло явление, которое я называю диктатурой двоечников. Постараюсь показать, что в таком названии нет никакого преувеличения.

Равнение на отстающих

В прошлом веке и на Западе, и у нас возможность получить образование зависела, главным образом, от имущественного положения. На Западе эта зависимость существует и сейчас, но она значительно ослабела, так как финансовая поддержка государства и частных фондов сделала возможным широкое распространение бесплатного начального и среднего образования и стипендий для малообеспеченных студентов. Кроме того, жизненный уровень большинства народа значительно повысился; с развитием индустрии услуг и бытовой техники исчезла «как класс» домашняя прислуга, и простым рабочим и клеркам стал доступен почти такой же комфорт, как у богачей, среди которых не считается больше хорошим тоном окружать себя роскошью. После достижения известного уровня обеспеченности дальнейший рост богатства не ведет уже к существенному повышению стандартов жизни и престижа. Успех не измеряется, как когда-то, непосредственно в долларах; ни при каком богатстве его невозможно добиться без знаний и профессиональной квалификации, и даже природная сметка и предприимчивость мало помогут, если не подкреплены образованием.

Аналогичные изменения, и даже более резкие, произошли и у нас, но совсем по другим причинам. После «экспроприации экспроприаторов» и ликвидации частного сектора в экономике имущественные различия, хоть и не исчезли совсем, но стали гораздо менее значительными и притом — что особенно важно — вторичными, производными от различий в служебном положении. С тех пор как все легальные занятия, от земледелия до поэзии, стали государственной службой, единственный способ до-

биться престижа и материального благополучия состоял в том, чтобы занять хорошую должность. А для этого требовалось, как правило, некоторое образование. В ряде случаев требования к образованию оставались даже довольно высокими, и приходилось брать на престижные и хорошо оплачиваемые места «классово чуждых». Образованность и после революции оказалась ценным имуществом и даже более ценным, чем прежде, поскольку это был единственный род имущества, недоступный для экспроприации.

Но образованность была и опасна: она выдавала классового врага. Всякий образованный человек был подозрителен, а некультурность, малограмотность были свидетельством благонадежности. И люди из необразованной среды, желавшие получить образование ради карьеры или ради служения делу пролетариата, не стремились расставаться с этим свидетельством. Они хотели только специальных знаний, остальное им казалось излишним и даже вредным. Обойтись совсем без остального — общего образования и общей культуры — было нельзя, потому что без этого невозможно усвоить и специальные знания; но общеобразовательные требования были значительно снижены даже в официальных программах, фактически же они понизились еще сильнее. При этом общеобразовательные задачи ставились только перед начальной и средней школой, высшее образование рассматривалось исключительно как профессиональное. А идеалом профессионального образования стала подготовка специалистов, способных с первого дня после окончания института начать безупречно функционировать в качестве деталей отлаженного производственного механизма. Кругозор, воображение, способность воспринимать и тем более создавать новое — все это отошло на второй план; на первом оказалось изучение технологических и всяких других инструкций и предписаний. Даже для будущего учителя средней школы фактически перестало считаться обязательным овладение предметом, который ему придется преподавать: возобладало мнение, что достаточно вы зубрить школьный учебник и строго следовать методическим инструкциям.

Все это привело к возникновению своеобразной разновидности равенства: неспособные и ленивые получили равный доступ к образованию со способными и трудолюбивыми. А в дальнейшей карьере неспособные и ленивые имели серьезные преимущества: им легче было, пройдя через высшее учебное заведение, остаться малокультурными (что, как уже сказано, было свидетельством благонадежности), и к тому же они не «умничали», были послушными и покладистыми, а это в сложившейся у нас системе было непременным условием успешного продвижения по службе и вообще любого благополучия.

И в конце концов возникла ситуация, вряд ли имеющая прецедент в мировой истории: неспособные и ленивые стали господствующим классом. В прошлом в разных странах случалось, что в результате завоевания или переворота власть попадала в руки невежд; бывало, что привилегированные слои предавались праздности и не желали ничему учиться. Но чтобы правящий класс составлялся из людей, имеющих свидетельство об образовании, но в действительности оставшихся необразованными из-за неспособности или из-за нежелания и неумения трудиться,— такого еще нигде и никогда не было. А у нас получилось именно так.

Социальное происхождение со временем забылось, уже в 40-е годы о нем вспоминали не часто. Но к культурным и образованным людям правящая бюрократия и по сей час относится с большим подозрением, и до самого последнего времени принимались систематические меры, чтобы облегчить доступ к высшему образованию ленивым и неспособным за счет трудолюбивых и способных. Поскольку «умники» все-таки были нужны, время от времени ограничения для них приходилось ослаблять, но потом власть спохватывалась и вводила новые привилегии для дураков. К примеру, в

1969 г. в вузах были открыты подготовительные отделения, которые часто называли рабфаками. Официально это было сделано, как говорится в 3-м издании БСЭ, «в целях повышения уровня общеобразовательной подготовки рабочей и сельской молодежи и создания ей необходимых условий для поступления в высшую школу». Но на самом деле слушатели этих отделений, в отличие от рабфаковцев 20-х и 30-х годов, происходили из таких же семей и были выпускниками тех же школ, что и обычные студенты, и отличались от них только тем, что после школы, провалившись на вступительных экзаменах или не решавшись их держать, пошли работать на завод или в колхоз. Проработав два года и прочно забыв даже то небольшое, что сумела дать им школа, они получали право поступать на подготовительное отделение, а оттуда их принимали в вуз вне конкурса. И в вузе они были на особом положении, их практически невозможно было отчислить за неуспеваемость, хотя даже лучшие из них еле-еле тянулись.

Но гораздо большее значение, чем официальные льготы для ленивых и неспособных, имели неофициальные, прикрываемые борьбой за успеваемость и борьбой против отсева. (Эти льготы фактически сохраняются и по сей день.) В довоенные годы борьба за успеваемость в школах и в вузах велась под флагом «социалистического соревнования». Незадолго до войны соцсоревнование в учебной работе было отменено, и с тех пор соответствующие ведомства время от времени издают приказы, осуждающие «процентоманию» и запрещающие оценивать работу преподавателей по отметкам, которые они ставят ученикам или студентам. И тем не менее эта тенденция далеко не изжитая: прежде чем будут отчислены лодыри, четыре-пять раз провалившие экзамен, преподаватель, а затем декан должны держать ответ: все ли возможное было сделано, чтобы их сохранить, достаточно ли было для них проведено консультаций и дополнительных занятий? Считается, что главной заботой каждого преподавателя должны быть отстающие, т. е. ленивые, бестолковые и вообще все те, кому его наука совершенно не интересна и даже противна. Это о них у него должна болеть голова, на них он должен тратить все свои силы, нянчиться с ними, как с малыми детьми, подтягивать и вытягивать. А добросовестных, способных и любознательных можно отпустить с лекции, послать на какое-нибудь собрание и вообще предоставить самим себе: они нашу жиденькую, разжеванную для отстающих премудрость уж как-нибудь усвоят, за них начальство ругать не будет.

Победное шествие двоечника

Итак, отстающие получили необыкновенную привилегию: считаться учеными, оставаясь на самом деле неучеными. Но такую привилегию невозможно даровать под звуки фанфар и сделать предметом гордости; ее волей-неволей приходится стыдиться и скрывать. Нельзя прямо предложить преподавателям ставить отстающим пятерки или хотя бы тройки за то, что они отстающие; можно только заставить снижать требования и смотреть сквозь пальцы на списывание и шпаргалки. Это делает привилегию отстающих очень двусмысленной. Она и сама по себе — источник унижения на всю жизнь, ибо состоит, собственно, в том, что человек получает право заниматься делом, к которому он не пригоден, а это не может не вызвать у него чувства ущербности, осознанного или неосознанного. Но и чтобы ее получить, необходимо несколько лет постоянно унижаться: украдкой списывать, прятать шпаргалки, дрожать, что тебя схватят за руку или просто обнаружат твою несостоятельность. Совестьливую натуру такое систематическое унижение может свести с ума; выдерживают только циничные.

Так воспитывается тип, называемый на современном студенческом жар-

гоне «халявщиком»: невежда, выдающий себя за компетентного специалиста и настолько привыкший к надувательству, что оно становится для него образом жизни. И «халявщику» открывается зеленая улица. Выйдя из вуза, он вскоре может стать преподавателем института, а затем и деканом.

Среди благополучно заканчивающих вузы и успешно совершающих служебную карьеру есть безнадежные тупицы, однако самый опасный «халявщик» — тот, у кого при низком общекультурном уровне и отсутствии подлинного, бескорыстного интереса есть все же кое-какие способности в своей специальной области. Такой студент легко подпадает под влияние двоечников, усваивает их психологию и мораль (воздействию которой он подвергался, скорее всего, уже в школе, а может быть, и дома). Так же, как двоечники, он сдает экзамены «на халяву», не брезгуя при случае шпаргалками, и заканчивает образование, так и не развив свои скромные способности и оставшись, в сущности, малограмотным.

Вот такой-то человек — троечник или даже пятерочник по формальным отметкам и двоечник по сути — и идет потом прежде всех в гору и делает успешную карьеру в любой области. Разумеется, если умеет ладить с начальством. Но это ему обычно нетрудно, поскольку главное, что мешает ладить с начальством, — собственное мнение, а у нашего героя собственному мнению неоткуда взяться. И именно такие люди занимали и занимают ключевые позиции и высшие посты повсюду — в государственном (до недавнего времени — партийно-государственном) аппарате, в армии, промышленности, здравоохранении, образовании, даже в науке и искусстве. Это значит, что проекты и решения, от которых зависят судьбы народов, а теперь уже и самой природы, разрабатываются и принимаются двоечниками — людьми малограмотными и глубоко нечестными. Основа всей их деятельности — жульничество. Привыкнув обжуливать преподавателей на экзаменах, они и потом стараются всех обхитрить и обжулить: и своих соотечественников, и иностранцев с их правительствами, и даже природу с ее законами.

Один из бесчисленных примеров такого государственного жульничества — политика в области вычислительных машин. На заре компьютерной эры, в 50-е годы, наши машины по качеству своей архитектуры не уступали американским. Но потом высшее начальство распорядилось свернуть дальнейшие разработки, решив, что выгоднее будет воровать заграничные образцы. В обход американских законов, запрещавших продажу Советскому Союзу вычислительной техники, через какую-то подставную фирму купили уже устаревшую к тому времени машину и с помощью нескольких НИИ кое-как наладили ее тиражирование. (Ходили слухи, что ЦРУ знало об этой операции заранее и нарочно подсунило устаревший образец.) Это — одна из главных причин нашего безнадежного отставания в области ЭВМ. А что сказать об ущербе, нанесенном дисквалификацией и деморализацией специалистов? Распались первоклассные исследовательские коллективы, работавшие с тогда уже редким энтузиазмом, и целые институты были поставлены в положение школьников, списывающих домашнее задание у соседа. То же самое было — и есть — во множестве других областей. И всюду, разумеется, жульничество приводило к плачевным результатам. У всех перед глазами трагедия Аральского моря, и если бы она была единственной!

Фельдфебели у ядерных ракет

Особенно страшные последствия господство двоечников может иметь, конечно, в армии. За последние годы благодаря гласности мы кое-что узнали о наших высших военачальниках. Им теперь приходится, например, публично выступать перед телевизионными камерами. А мы можем судить

о культуре их речи, точнее — о бескультурии. И это не пустяки, не «блохи», как может показаться. Ведь человек, который, как бывший начальник штаба ВС генерал армии М. Моисеев, вместо «азербайджанец» говорит «азербайджан», вместо «армянин» — «армян», вместо «некомпетентность» — «некомпетенция», — это человек малограмотный. Между тем штабные офицеры — это военная интеллигенция, а офицеры Генштаба — ее цвет. Так было в прошлом, а тем более так должно быть в эпоху компьютеров и спутниковой разведки. И плохи дела той армии, у которой малограмотный начальник генерального штаба.

Малограмотный инженер — всегда плохой инженер, малограмотный врач — всегда плохой врач, и странно было бы, если бы с офицерами дело обстояло иначе, тем более со штабными. Конечно, бывали талантливые самоучки, получавшие блестящие результаты не только в военном деле, но и в технике и иногда даже в науке, не обладая при этом общей культурой. Но это все-таки редкость, а главное — то были люди, которым пришлось до всего доходить самим, потому что в детстве они не имели возможности учиться в школе. А с нашими героями возились учителя и профессора в школах и академиях, и все равно они ухитрились остаться полуграмотными. Не может такой человек стать хорошим специалистом. Навыки рутинной работы он, возможно, и сумеет освоить, но самостоятельности мышления, широты кругозора у него не будет никогда. А без кругозора можно стать хорошим фельдфебелем, но не генералом.

В сущности, «перестройка» так и не коснулась нашей армии, и ею командуют не генералы и не маршалы, а фельдфебели в генеральских и маршальских мундирах. Их профессиональная несостоятельность проявляется не только в нестандартных ситуациях вроде истории с Матигасом Рустом, но и в повседневной жизни. Даже собственным офицерам они не умеют обеспечить сколько-нибудь человеческие материальные и бытовые условия, хотя на нужды армии расходуется, по несомненно заниженным официальным данным, в тринадцать раз больше, чем на образование и здравоохранение вместе. А в ответственных переговорах с иностранными державами опускаются до мелкого и смешного жульничества, выдавая изменение подчиненности войск за их сокращение.

Не надо бояться двоечников

Двоечники управляют и всем государством. Но до сих пор мало кому приходит в голову спросить: а почему министром, допустим, угольной промышленности непременно должен быть человек, матерящийся в микрофон? И почему союзным президентом должен быть человек, которому не под силу выговорить слова «Азербайджан» и «Удмуртия»? Мы уже привыкли не обращать внимания на такие пустяки и не ставим их в связь, например, с манерой утверждать сегодня одно, а завтра противоположное. Между тем эта манера — характерный признак двоечника. Отвечая урок, он не заботится о логической связности, потому что содержание того, что он говорит, не имеет для него реального значения, важна только реакция учителя. И если двоечник становится политиком, то к своим политическим заявлениям он относится так же, как привык относиться к урокам. Такой политик может долго держаться «на плаву», если он искусен в интригах, а его противники столь же малокультурны. Но совершенно невероятно, чтобы он был в состоянии в самом деле удовлетворительно руководить — а не делать вид, что руководит — важными государственными или общественными институтами, необходимыми для нормальной жизни страны, и тем более создавать такие институты. (А как же-могут спросить-Л. Валенса и другие рабочие лидеры, не получившие даже среднего образования? Но это люди совсем другого типа-талантливые самоучки, ничего общего не имеющие с

двоечниками. Впрочем, недостаток образованности все равно им сильно мешает.)

Бывают, правда, деятели, чья историческая миссия не в созидании, а в разрушении. Именно к ним принадлежит М. Горбачев, вознамерившийся реформировать принципиально неререформируемую систему партийной власти и вместо того разрушивший ее. Но сейчас главная задача уже не в разрушении, а в строительстве. А для строительства нужны совсем другие люди: культурные, интеллигентные, с ясной головой, с глубоко укоренившимися нравственными принципами и чувством ответственности. Пришло время отчислить всех неуспевающих, проваливающих на наших глазах одну переэкзаменовку за другой.

Но откуда возьмутся те, кто должен прийти им на смену? Это очень трудный вопрос, может быть даже самый трудный из всех, которые стоят перед страной. Ведь если смотреть правде в глаза, приходится признать, что образованных людей у нас сейчас почти нет. Культурные стандарты снизились, и за блестящую образованность сходит такая, какую сто лет назад расценили бы как весьма посредственную. Средний культурный уровень нынешнего университетского профессора не идет в сравнение с уровнем гимназического учителя, и нынешний средний врач вряд ли дотягивает до профессионального уровня среднего старого фельдшера. Появились уже и симптомы самого настоящего одичания — такие, например, как повальное увлечение астрологией, в том числе среди людей с высшим образованием и учеными степенями. Знание иностранных языков стало такой редкостью, что всякого кое-как болтающего по-английски за одно это считают образованным, а на выучившего два или три языка смотрят как на светоч культуры, даже если его пещерная некультурность во всех остальных отношениях бросается в глаза.

Но при всем том среди наших научных работников, педагогов, врачей, инженеров, агрономов, юристов, офицеров есть еще способные и добросовестные люди, не разучившиеся думать, стремящиеся к возрождению культуры и глубоко озабоченные судьбой дела, которому они посвящают жизнь. Именно эти люди, единственные в наше время наследники старой российской интеллигенции, должны встать во главе народа и взять на себя ответственность за его судьбу.

Но для этого необходимы два условия. Во-первых, добросовестные и думающие интеллигенты должны осознать свое единство и научиться действовать вместе. Во-вторых, они должны осознать свое превосходство над двоечниками и свою силу.

Последнее психологически особенно трудно, ибо идет вразрез с привычками, усвоенными уже два-три поколения назад. Страх перед силой, перед властью деспотизма и невежества слишком глубоко въелся в поры интеллигенции. Он воспитан десятилетиями террора, репрессий, борьбы с инакомыслием.

Но теперь страх перед начальством — это страх перед двоечниками, ибо начальство состоит почти сплошь из них и весьма решительно защищает их привилегии. Этот привычный страх, чаще всего неосознанный, мешает многим способным, добросовестным и больше других знающим работникам даже про себя назвать двоечников их настоящим именем. А если научатся действовать вместе честные и думающие представители интеллигенции — учителя, врачи, инженеры, юристы, журналисты... — тогда двоечникам придется туго. Они ведь ничего не умеют, они неумны и косноязычны, против них очевидность и здравый смысл. И даже огромный численный перевес и командные позиции их не спасут, если мы, их противники, осознаем свое превосходство и научимся действовать сообща. Вся сила двоечников — в нашей робости и разобщенности.

Победим ли невежество?

Разумеется, двоечники не уйдут сами. Сейчас они лихорадочно перестраиваются, приспосабливаются к новой обстановке. Только самые неповоротливые из них все еще не желают поступиться принципами и цепляются зубами за старые партийные кормушки; кто попроворнее, те спешат обзавестись новыми, департизованными кормушками и новыми, деидеологизированными шпаргалками. Воинствующие безбожники становятся богословами, обличители пороков капитализма — певцами рынка. Рядом с двоечниками на государственной службе появились другие, промышленяющие на свой страх и риск (впрочем, при покровительстве государственных двоечников). Все эти новомодные вариации ничуть не лучше прежних и даже опаснее, потому что их труднее распознавать.

Чтобы избежать окончательной катастрофы и хаоса, нужно прогнать невежд с командных высот, показав народу, как они жалки и смешны. Но прежде всего нужно обратить у них господство над средней и высшей школой. Раньше они командовали образованием через посредство бюрократической административной системы, а теперь открыли еще два способа удержать его в своих руках: «коммерциализацию» и механическое подражание Западу.

Превращение образования в товар, о чем с умилением говорят сейчас иные деятели, поклоняющиеся рынку так же, как недавно поклонялись марксизму-ленинизму, в действительности, конечно, есть зло. В современном мире это зло в ряде случаев, вероятно, неизбежно, но последствия его могут быть смягчены, если имеются традиции, правовые механизмы и культура коммерческих отношений. У нас же ничего этого нет, и вот возникают, например, «коммерческие группы» в государственных бесплатных вузах, куда принимают не прошедших по конкурсу при условии, что за их обучение заплатит какое-нибудь предприятие. При этом плата вносится вперед, но в случае отчисления подлежит возврату, так что отчислять таких студентов нельзя. Что это, как не новая привилегия для дураков и лодырей за счет умных и трудолюбивых, как не новое унижение для добросовестных преподавателей и поощрение для халтурщиков?

Что же касается копирования западных образцов, то это поветрие только начинается, но в скором будущем может стать очень опасным. А между тем на Западе образование сейчас тоже в упадке (по совсем другим причинам), и там тоже идет наступление невежество, хотя накопленное обществом богатство и более здоровая политическая и экономическая система делают (пока!) плоды этого наступления несравненно менее чувствительными, чем у нас. И когда двоечники, руководящие сейчас нашей системой образования, начнут внедрять шпаргалки западного образца (скорее всего, американского), то наше отечественное невежество, усвоив внешний заграничный лоск, станет еще более наглым и непробиваемым, а все, что на Западе действительно ценно и интересно, по-прежнему останется для наших людей книгой за семью печатями.

Но деваться некуда: двоечников надо прогнать, если мы хотим, чтобы жили наши дети и внуки.